
Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87—102.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 87—102.

Научная статья

УДК 338.467.4

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.7

ЖЕНЩИНЫ — НАЕМНЫЕ РАБОТНИЦЫ В ДОМОХОЗЯЙСТВАХ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Юлия Фридриховна Флоринская^{1, 2},

Никита Владимирович Мкртчян^{1, 2},

*Марина Анатольевна Карцева*¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Россия, jflorin@yandex.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия

Аннотация. Использование труда домашних работников, в том числе женщин, — достаточно исследованная тема в зарубежной литературе, но в России эта тема малоизучена. На основе опроса 3858 домохозяйств Москвы и Санкт-Петербурга проанализированы особенности найма женщин — домашних работниц, основные ниши и сферы их занятости, пропорции между привлекаемыми домохозяйствами местными женщинами-работницами и жительницами других регионов и стран. Исследование показало, что работницы Москвы, Санкт-Петербурга и мигрантки занимают разные ниши в сфере домашнего труда, при этом иностранные работницы чаще востребованы более бедными домохозяйствами. Пандемия COVID-19 сократила предложение со стороны иностранных работниц, а стоимость их труда увеличилась.

Ключевые слова: трудовая миграция, женская миграция, домашние работники, Россия, COVID-19

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Карцева М. А. Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87—102.

Original article

**FEMALE DOMESTIC WORKERS IN MOSCOW
AND SAINT PETERSBURG****Yuliya F. Florinskaya^{1,2}, Nikita V. Mkrtchyan^{1,2}, Marina A. Kartseva¹**¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, jflorin@yandex.ru² National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation

Abstract. The employment of domestic workers, especially women, is widely discussed in the foreign literature. However, little is known about employment of female domestic workers in Russia. The paper looks at the specifics of the recruitment of the female domestic workers and their main areas of employment in the context of their origin (local workers, internal migrants, foreign migrants). The empirical basis of the study is data of a household survey conducted in Moscow and Saint Petersburg. We found that local and migrant female domestic workers occupy different employment niches with migrants being more likely to be hired by low income households. The COVID-19 pandemic has reduced the supply of foreign workers, and the cost of their labor has increased.

Key words: labor migration, female migration, domestic workers, Russia, COVID-19

Acknowledgments: the article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Florinskaya, Yu. F., Mkrtchyan, N. V., Kartseva, M. A. (2022) Zhenshchiny — naёмnye rabotnitsy v domokhoziaistvakh Moskvy i Sankt-Peterburga [Female domestic workers in Moscow and Saint Petersburg], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 87—102.

Обзор литературы и исследований

В мире, по последним оценкам Международной организации труда на 2019 г., насчитывалось 169 млн трудовых мигрантов, из них 70 млн, или 41,5 %, составляли женщины [ILO Global Estimates... , 2021]. Как и другие оценки международных организаций, эта цифра может отражать масштабы явления не в полной мере. Кроме того, она не учитывает женщин — внутренних трудовых мигранток, число которых, очевидно, в разы больше. Поступательному росту женской трудовой миграции способствует развитие сферы услуг, в которой уже занято более 70 % работниц в странах ОЭСР [Women at work... , 2018], и, в частности, расширение сектора домашнего труда, где женщины составляют, по отдельным оценкам, 83 % от всех занятых [Положение домашних работников в мире... , 2013]. Именно сектор услуг позволяет эффективно использовать труд женщин [Smith-Hunter, 2003], действует и фактор спроса на их труд: традиционно такие услуги, как уход за детьми и взрослыми, нуждающимися в нем, приготовление пищи, предоставляют именно женщины [Cooking and caring... , 2011]. Ключевым драйвером роста спроса на домашний труд служит увеличение

уровня занятости женщин в развитых странах. Несмотря на существенное продвижение в области гендерного равенства, домашний неоплачиваемый труд все еще остается в большой степени женским, в странах ОЭСР женщины выполняют 69 % домашней работы [ibid.]. Если женщина выходит на рынок труда, семья должна найти помощника, который будет выполнять хотя бы часть домашней работы.

В развитых странах подавляющее большинство женщин-мигранток заняты в секторе услуг (общественное питание, услуги образования, здравоохранения, бытовые услуги и т. д.), и особенно услуг, оказываемых домохозяйствам. Международная организация труда определяет таких работников как «домашние работники» (domestic workers)¹. Сфера домашнего труда предъявляет широкий спрос прежде всего на низкоквалифицированные работы, такие как ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и пожилыми, уборка помещений. Анализ для стран ЕС [Rubin et al., 2008] или ОЭСР [King-Dejardin, 2019] показывает, что в целом женщины — мигрантки и немигрантки работают в одних и тех же отраслях, различаются только уровни концентрации. Женщины-мигрантки в большей степени вовлечены в низкоквалифицированные виды деятельности, а женщины — уроженки страны проживания или мигрантки из других стран ЕС преимущественно заняты на рабочих местах, требующих высокой квалификации. Нередко высококвалифицированные женщины-мигрантки соглашаются на работу, не соответствующую уровню их квалификации, на работу с более низкими требованиями. Например, в Греции, как и во многих других странах ЕС, работа по дому — единственный вид работы, доступный для женщин-мигранток (помимо проституции), хотя многие из этих женщин хорошо образованы и очень хорошо говорят по-английски [Anderson, 2000].

Приток мигрантов может способствовать увеличению уровня участия женщин в рынке труда в странах, принимающих мигрантов, и снижению гендерного разрыва в заработной плате [Furtado, 2015]. В конечном счете, труд женщин-мигранток делает вклад в увеличение объема квалифицированных трудовых ресурсов принимающей страны, что в итоге, вероятно, положительно отразится на экономическом росте [Women on the Move... , 2017]. Отдельные исследования свидетельствуют, что относительно низкая стоимость труда женщин-мигранток, ухаживающих за детьми, может положительно влиять на рождаемость в принимающей стране, особенно в группе высококвалифицированных женщин [Hazan, Zoabi, 2015], позволяя им легче находить баланс между рождением детей и участием в рынке труда [Furtado, Hock, 2010].

В последнее время отдельное внимание в литературе уделяется влиянию женской миграции на местные рынки труда. Актуальность подобных исследований обусловлена в числе прочего сложившейся в развитых странах демографической ситуацией, следствием которой стал возросший спрос на услуги ухода за пожилыми. В США высококвалифицированные женщины тратят больше времени на работу на рынке труда и меньше времени на домашнюю работу в тех городах, в которые больше приток низкоквалифицированных женщин-мигранток [Cortes, Tessada, 2011]; доступность различных видов услуг по ведению

¹ International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/domestic-workers/who/lang--en/index.htm> (дата обращения: 17.01.2022).

домашнего хозяйства и уходу, предоставляемых мигрантками, увеличивает уровень участия в рабочей силе женщин с маленькими детьми [Cortes, Pan, 2013]. Таким образом, в плане положения на рынке труда высококвалифицированные женщины могут выигрывать от притока женщин-мигранток с низким уровнем квалификации. Однако для местных женщин с относительно низкой квалификацией женщины-мигрантки скорее являются конкурентками [Peri, Sparber, 2009].

Исследование женской миграции в России представляет особый интерес. Рост потребности в услугах по уходу, вызванный теми же демографическими процессами, что и в развитых странах, в России происходит на фоне практически полного отсутствия адекватной системы долговременного ухода. Недостаточность поддержки со стороны государства в совокупности с неразвитостью и недоступностью рыночных услуг по уходу за пожилыми приводят к тому, что женщины трудоспособного возраста вынуждены уходить с рынка труда или сокращать количество рабочих часов [Гришина, Цацура, 2020; Карцева, 2021]. В подобной ситуации мигрантки могут отчасти компенсировать несовершенство существующих социальных институтов, оказывая доступные платные услуги по уходу за детьми и пожилыми. В результате использования труда мигранток российские женщины получают возможность больше времени посвящать оплачиваемой занятости, что особенно актуально в условиях снижения численности рабочей силы, обусловленного демографическими причинами.

Исследований женской трудовой миграции в постсоветских странах мало, частично их отсутствие в 1990-х — начале 2000-х гг. могло заместить изучение постсоветской миграции женщин в страны Европейского союза [Marchetti, Venturini, 2014; Vanore, Siegel, 2015; Толстокорова, 2012]. Пионером изучения женской трудовой миграции в России была Е. В. Тюрюканова [Тюрюканова, 2003; Тюрюканова, Мальшева, 2000], инициировавшая в 2010 г. первое в нашей стране полномасштабное исследование женской трудовой миграции из стран СНГ в Российскую Федерацию. Исследование было выполнено в Центре миграционных исследований и включало проведение выборочного опроса женщин — трудовых мигранток из стран СНГ, фокус-групп и глубинных интервью с мигрантками и их работодателями [Женщины-мигранты... , 2011]. Данный проект способствовал развитию дальнейших исследований международной женской трудовой миграции в России [Рочева, 2012; Илимбетова, 2013; Полетаев, 2017].

Рост занятости в сфере услуг, оказываемых частным домохозяйствам, не мог не вызвать интерес исследователей к этой теме сначала в мире, а позже — в России. Появились статьи, анализировавшие различные аспекты жизни и труда домашних работников — мигрантов обоего пола, в том числе в более широком контексте изучения трудовой миграции в России [Karachurina et al., 2019]. При этом в отличие от стран ЕС, где в сфере домашнего труда в большей степени доминируют иностранные рабочие [Da Roit, Weicht, 2013], в России домашние работники — иностранцы, включая женщин, возможно, чаще конкурируют с местными жителями, особенно с внутренними мигрантами. Однако исследований внутренней миграции женщин, занятых в сфере домашнего труда, крайне мало (см., напр.: [Савоскул, 2013]), и они пока не могут претендовать на всестороннее изучение данного вопроса.

Данные и методология

Эмпирическую основу исследования составляют данные специализированного социологического обследования «Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга» («Женщины — наемные работницы»), проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИНСАП РАНХиГС) методом телефонного опроса в апреле — мае 2021 г. Опрашивались жители Москвы и Санкт-Петербурга² в возрасте от 18 до 72 лет, которые за последние три года нанимали за плату других лиц, в том числе женщин, для проведения определенных видов работ. Способ построения выборки обследования — случайная систематическая стратифицированная выборка номеров стационарных и мобильных телефонов. Доля мобильных телефонных номеров составила 46 %, стационарных — 54 %. Выборка генерировалась с помощью программы RDDGen2, использовались диапазоны телефонных номеров с сайта Росвязи. Общий объем выборки составил 3858 респондентов. Данные опроса репрезентируют население городов по полу и возрасту.

В последние три года всего нанимали 1119 работников (619 чел. — в Москве, 500 чел. — в Санкт-Петербурге), что составило 29 % от всех прошедших скрининг и ответивших на вопрос о найме (28 % в Москве и 30 % в Санкт-Петербурге). Данные самого обследования содержали информацию об опыте привлечения домашних работников частными домохозяйствами (виды работ, на которые их привлекали); о гендерном составе работников и их гражданской принадлежности (граждане РФ или иностранцы); об изменении интенсивности найма работников в условиях пандемии COVID-19. Выяснилось, что в отличие от других стран труд мужчин использовался домохозяйствами значительно чаще, чем труд женщин: всего мужчины-работники привлекались за последние три года 28 % домохозяйств двух столиц, женщины-работницы — 17 % домохозяйств; при этом российских работников в Москве и Санкт-Петербурге нанимали в два раза чаще, чем иностранных, — 23 % домохозяйств против 11 %.

На отдельный блок вопросов анкеты отвечали только те респонденты, кто нанимал на работу женщин. Таких целевых анкет было набрано 594, из них 339 (или 57 %) в Москве, а 255 (или 43 %) в Санкт-Петербурге. Блок содержал информацию об особенностях занятости женщины-работницы, которая трудилась в домохозяйстве дольше всех других работниц в течение последних трех лет. В рамках статьи проводится статистический анализ таких характеристик занятости женщин-работниц, как:

- вид деятельности (семь категорий);
- способ найма (пять категорий);
- условия найма (наличие контракта и предоставление проживания).

² Выбор для обследования двух столичных городов основывался на гипотезе более широкого распространения в них наемного труда в домохозяйствах по сравнению с другими российскими регионами. Так, по данным Выборочного наблюдения труда мигрантов Росстата, в 2019 г. в Москве около 29 % домохозяйств за период последних 12 месяцев нанимали работников за плату, в среднем по России — 15,7 % домохозяйств. См.: URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html (дата обращения: 17.01.2022).

Дополнительно в исследовании рассматриваются субъективная удовлетворенность респондента работой привлекаемой в домохозяйство женщины и изменение объемов найма в условиях пандемии коронавируса. Перечисленные показатели были отобраны с учетом ограничений наличных эмпирических данных.

Основным методом статистического анализа в работе является сопоставление средних показателей в разрезе места постоянного жительства женщин-работниц. Однако в ряде случаев сравнение средних может быть не вполне корректно. В частности, при анализе влияния места постоянного жительства на условия занятости и удовлетворенность работой женщин-работниц простое сравнение средних иногда приводит к смещенным оценкам, так как эти показатели могут зависеть от вида деятельности работницы. Для того чтобы получить оценки влияния места постоянного проживания работницы на характеристики занятости и удовлетворенности работодателя при прочих равных условиях, в работе используется регрессионный анализ, проводится оценка следующей логит-модели:

$$P(y_i = 1|x_i) = \Lambda(h_i'\alpha + x_i'\beta),$$

где Λ — функция логистического распределения, y_i — зависимая переменная: индикатор наличия письменного контракта (1 — есть контракт, 0 — иначе) / индикатор предоставления жилья (1 — предоставляется жилье, 0 — иначе) / индикатор удовлетворенности работой (1 — удовлетворен; 0 — иначе); h_i — вектор индикаторов места проживания (3 индикатора); x_i — вектор контрольных переменных, включающий в себя индикаторы вида деятельности женщины-работницы (6 индикаторов) и индикатор региона работы.

Модель оценивается отдельно для каждой из трех зависимых переменных.

Результаты

Виды деятельности женщин-работниц в домохозяйствах. Почти две трети домохозяйств, нанимавших женщин, пользовались услугами работниц, проживавших в том же регионе (64 %), что и респонденты; в 14 % домохозяйств нанятая женщина была внутренней мигранткой (из другого региона России); в 16 % — иностранной мигранткой; 7 % затруднились ответить на данный вопрос.

Женщины, работавшие в домохозяйствах, чаще всего оказывали услуги репетитора³, выполняли работу по дому, ремонтировали жилье (табл. 1).

Каждая группа работниц, отличающаяся местом постоянного жительства, имеет заметные особенности в структуре занятости в домохозяйствах. Так, жительницы своего региона чаще всего привлекались домохозяйствами в качестве репетиторов, при этом среди внутренних мигранток такой вид занятости встречался в 2,5 раза реже, а среди иностранных практически отсутствовал. В то же время для иностранок выполнение домашней работы было в два раза более частым

³ Включение репетиторов в число домашних работников существенно смещает распределение в пользу найма местных жителей, а также интеллектуального (не физического) труда. Однако мы посчитали важным учесть данную категорию, поскольку спрос на услуги репетиторов существенно вырос в условиях карантина, что могло привести в числе прочего и к увеличению вариации места постоянного проживания среди репетиторов — привлечению жительниц других регионов. Тем более что репетиторы учитывались как домашние работники в упомянутом выше обследовании Росстата 2019 г.

занятием, чем для россиянок, как местных, так и мигранток. Для мигранток, и внутренних, и особенно иностранных, значимой оказалась занятость в качестве сиделок: доля этой занятости среди иностранок в 3 раза выше, чем среди женщин из своего региона. Для выполнения ремонтных работ местные женщины и мигрантки привлекались примерно с одинаковой частотой.

Таблица 1

**Распределение женщин-работниц по видам выполняемых работ
в зависимости от места их постоянного проживания, %⁴**

Вид работ	Все работницы	Свой регион	Другой регион	Другая страна
Ремонт, строительство	21,1	19,5	21,3	21,3
Домашняя работа	26,9	21,3	22,5	43,6
Уход за детьми	9,6	10,9	10,0	6,4
Уход за взрослыми	12,2	6,7	21,3	27,7
Работа на участках	2,2	1,3	5,0	3,2
Репетиторство	32,4	45,1	18,8	1,1
Другие работы	1,4	1,3	1,3	2,1

Примечание. В столбцах сумма долей не 100 %, так как в некоторых случаях работницу нанимали для выполнения нескольких видов работ.

Таблица 2

**Распределение женщин, выполняющих разные виды работ,
по месту их постоянного проживания, %**

Вид работ	Свой регион	Другой регион	Другая страна	Всего
Ремонт, строительство	66,4	15,5	18,2	100
Домашняя работа	57,6	13,0	29,5	100
Уход за детьми	74,6	14,6	10,9	100
Уход за взрослыми	36,8	25,0	38,2	100
Работа на участках	41,7	33,3	25,0	100
Репетиторство	91,4	8,1	0,5	100

Несмотря на структурные особенности занятости каждой категории наемных работниц, большая часть рабочих мест в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга все равно принадлежит жительницам этих городов (табл. 2). Ими занято от 58 до 91 % рабочих мест в четырех из шести перечисленных видах деятельности. Женщины-мигрантки из другого региона или страны доминируют в сфере ухода, присмотра за пожилыми, больными (63,2 %), а также в работах на дачных участках, в загородных домах (58,3 %). Уход за пожилыми, работы на дачах чаще всего связаны с предоставлением работнику жилья (или койки в больнице), что делает данные виды работ более привлекательными для мигрантов, позволяя экономить на его аренде. Отметим, что уход за взрослыми —

⁴ Таблица построена, так же как и другие таблицы и рисунки в статье, на основе данных обследования «Женщины — наемные работницы», проведенного ИНСАП РАНХиГС (2021 г.).

единственный вид деятельности, где численно доминируют именно иностранные мигрантки, доля занятых ими рабочих мест в этой сфере выше, чем доля мест, занятых не только внутренними мигрантками, но и местными работницами (38,2 против 25 и 36,8 % соответственно). В то же время услуги нянь и репетиторов обычно не предполагают проживания в доме, здесь конкурентные преимущества — на стороне местных работников. Кроме того, уход за детьми — более «чувствительная» сфера, в которой домохозяйства реже склонны доверять мигранткам — как внутренним, так и иностранным.

Способ, условия найма женщин-работниц и удовлетворенность их работой. Работницы чаще всего попадают в домохозяйство по рекомендации знакомых/родственников, причем этот вид поиска превалирует при найме женщин всех трех категорий (от 58 до 63 %). Второе место при привлечении россиянок как из своего региона, так и внутренних мигранток с большим отрывом занимает их поиск в сети Интернет (22 и 20 % соответственно), а при найме иностранок — помощь агентств (17 %). Вероятно, поиск работницы через знакомых остается столь распространенным ввиду того, что ему доверяют и сами нанимаемые работницы. Так, по данным проведенных ранее обследований (2010 и 2013 гг.), с помощью друзей и родственников находили работу 64 % опрошенных в крупных российских городах женщин-мигранток [Женщины-мигранты... , 2011] и 76 % домашних работников — мигрантов в Москве [Karachurina et al., 2019].

Более двух третей домохозяйств не заключали никаких договоров при найме работниц (от 64 % домохозяйств, нанимавших иностранок, до 71 %, нанимавших работниц из своего региона). Наличие письменного договора чуть чаще встречалось при найме иностранок, но преимущественно за счет договора не с самой работницей, а с агентством. В целом занятость «в серой зоне», в силу ее повсеместного распространения, не может являться значимым конкурентным преимуществом или, напротив, специфической проблемой иностранных работниц. Это, скорее всего, традиционная особенность занятости в частных домохозяйствах, что подтверждается другими исследованиями. Так, в 2013 г. 83 % опрошенных москвичей, использовавших труд работников-мигрантов в своих домохозяйствах, обходились лишь устной договоренностью при их найме [Floginskaya, 2015].

Домашним работницам в целом редко предоставляется жилье вместе с работой, однако наблюдается существенная разница при найме жительниц своего региона и мигранток: жительницам своего региона жилье предоставляли всего 2,4 % домохозяйств, внутренним мигранткам — уже 18,8 %, нанимаемым иностранкам — 30,9 %. Полагаем, что это зависит от фактической нуждаемости в жилье (потребность в нем внутренних мигранток может быть меньше) и специфики работ: круглосуточные сиделки, которых много среди привлекаемых работниц-иностранок, больше всех остальных категорий нуждаются в жилье.

Проведенный эконометрический анализ показал (модель; зависимая переменная — индикатор наличия письменного договора), что в среднем при прочих равных условиях вероятность наличия письменного договора у внутренних и иностранных мигранток статистически не отличается от вероятности наличия договора у местных жительниц (рис. 1а). По сравнению с другими видами деятельности относительно чаще письменный контракт с работодателем имеют

женщины-работницы, занимающиеся уходом за взрослыми. Отметим, что это может быть как договор лично с работницей, так и договор с организацией/агентством, через которые такие работники зачастую рекрутируются.

Результаты регрессионного анализа факторов предоставления жилья женщине-работнице (модель; зависимая переменная — индикатор предоставления жилья) подтверждают выводы, сделанные на основе сравнительного анализа. В среднем вероятность выделения места для проживания женщинам-мигранткам значимо выше, чем вероятность выделения такого места местным жительницам (рис. 1б). При этом величина предельного эффекта существенно выше для иностранных мигранток, чем для внутренних. В разрезе видов деятельности статистически значимо чаще предоставляют жилье работницам, осуществляющим уход за взрослыми. Подобная ситуация в большой степени объясняется спецификой выполняемых работ.

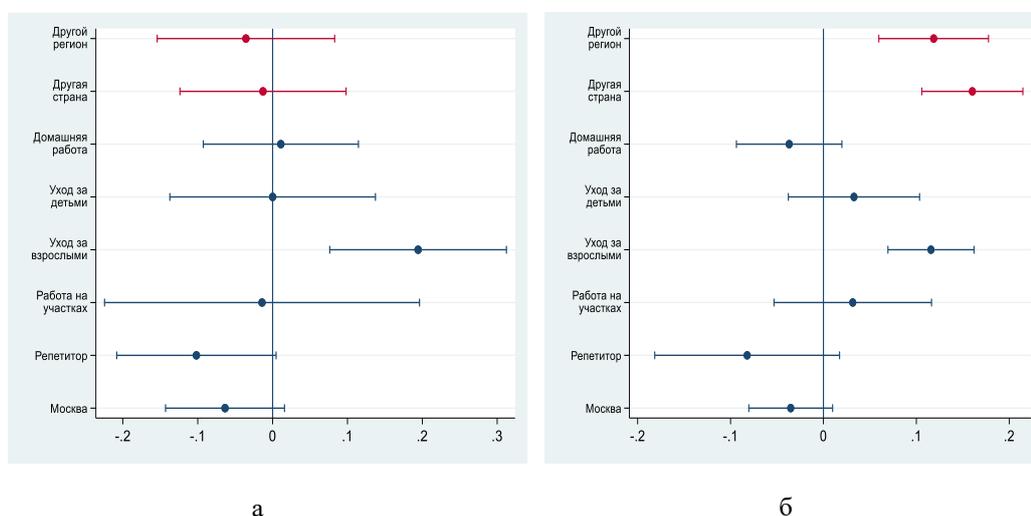

Рис. 1. Результаты регрессионного анализа факторов наличия письменного контракта (а) и предоставления жилья (б), предельные эффекты, 95 %-й доверительный интервал

В рамках опроса респонденту предлагалось оценить труд женщины-работницы по шкале от 1 до 4, где 1 — полностью удовлетворен работой, а 4 — совершенно не удовлетворен. На основе этой информации была построена бинарная переменная (удовлетворен / не удовлетворен).

Большинство респондентов были полностью удовлетворены или скорее удовлетворены работой нанятой их домохозяйством женщины (от 93 до 98 %). При этом высокая удовлетворенность касалась найма всех категорий работниц независимо от места их исходного проживания.

Проведенный регрессионный анализ (модель; зависимая переменная — индикатор удовлетворенности работой) не подтвердил наличия статистически значимой вариации уровня удовлетворенности трудом женщины-работницы в зависимости от места ее проживания (рис. 2). Другими словами, при прочих равных условиях работодатели в одинаковой степени довольны работой местных жительниц, жительниц других регионов и жительниц других стран. Несколько в большей

степени работодатели удовлетворены трудом женщин, выполняющих домашнюю работу. Относительно в большей степени — трудом женщин, нанятых для работы на дачных участках, в загородных домах. Референтной категорией для оценки удовлетворенности трудом женщин в разрезе выполняемых видов работ является работа в области ремонта и строительства.

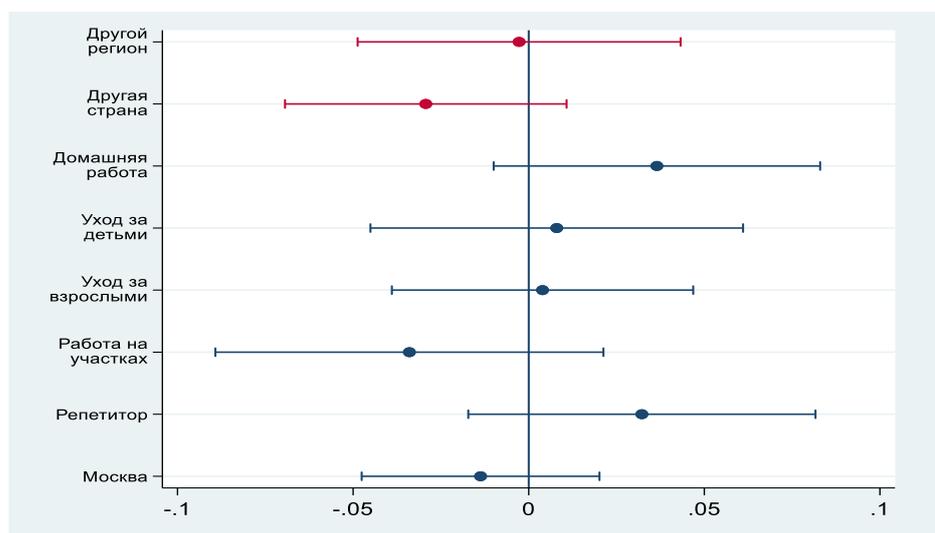

Рис. 2. Результаты регрессионного анализа факторов удовлетворенности работой женщины-работницы, предельные эффекты, 95 %-й доверительный интервал

Наем женщин-работниц домохозяйствами разных доходных групп.

Данные опроса позволяют проанализировать структуру найма работниц в зависимости от доходов домохозяйства. Для этого на основе субъективной оценки респондентов материального положения своих домохозяйств была построена переменная, принимающая три значения (высокие, средние, низкие доходы)⁵. Всего среди домохозяйств с опытом найма женщин-работниц 16 % имели низкие доходы, 61 % — средние и 23 % — относительно высокие.

Вне зависимости от доходов домохозяйств в структуре найма доминируют жительницы своего региона (табл. 3). Однако домохозяйства с низкими доходами менее склонны нанимать местных жительниц по сравнению с домохозяйствами, имеющими более высокий достаток (62,3 против 66,9—70,5 %), но при этом заметно чаще нанимают мигранток из других стран. В структуре найма в низкодоходных домохозяйствах иностранные работницы занимают практически

⁵ Мы полагали, что доходы домохозяйства высокие, если на вопрос об их оценке респондент выбирал вариант ответа «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры/дома недоступна» или «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным»; средние, если он выбирал вариант «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (холодильник, телевизор) не хватает» или «Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но покупка автомобиля недоступна»; низкие, если он выбирал ответ «На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно» или «Денег не хватает даже на еду».

четвертую часть (23,1 %), тогда как аналогичные показатели для домохозяйств со средним и высоким уровнем доходов — 14,6 и 17,9 % соответственно. Доля работниц — жительниц другого региона практически не меняется в зависимости от доходов домохозяйств.

Таблица 3

**Наем женщин-работниц домохозяйствами разных доходных групп
в разрезе постоянного места проживания работниц, %**

Уровень доходов	Свой регион	Другой регион	Другая страна	Всего
Низкий	62,3	14,3	23,1	100
Средний	70,5	15,0	14,6	100
Высокий	66,9	15,2	17,9	100

Наши результаты свидетельствуют, что женская миграция из других стран является важным источником помощи и поддержки для домохозяйств с относительно невысокими доходами. Видимо, труд иностранных мигранток оценивается несколько ниже или их используют на менее оплачиваемых работах. Возможно, в случае острой нужды (например, болезнь пожилого родственника, требующая постоянного ухода) наем иностранной работницы для бедных домохозяйств — единственный способ получить внешнюю помощь. Это можно считать весомым конкурентным преимуществом иностранных мигранток.

Пандемия COVID-19 и наем женщин-работниц. Больше половины опрошенных домохозяйств не изменили своих практик привлечения работниц в период коронавируса (табл. 4), чуть больше трети заявили о сокращении найма домашних работниц. По этому вопросу основные отличия проходят между нанимаемыми россиянками (как мигрантками, так и местными жительницами) и иностранками. Привлечение последних снизилось заметно больше: на 44 против 33—34 %. Возможно, большее сокращение найма иностранок объясняется тем, что с началом пандемии общее число мигрантов на территории России уменьшилось, а труд оставшихся подорожал. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит ответ на вопрос о причинах сокращения найма: так, 49 % домохозяйств, ограничивших привлечение иностранок, заявили, что сделали это в связи с финансовыми трудностями и дороговизной работников; среди домохозяйств, нанимавших местных жительниц и внутренних мигранток, таких было 43 и 30 % соответственно.

Таблица 4

**Изменение объемов найма женщин-работниц домохозяйствами в период пандемии
в зависимости от места постоянного проживания работницы, %**

Изменение объемов найма	Все домохозяйства	Свой регион	Другой регион	Другая страна
Стали нанимать больше/чаще	3,9	4,5	1,5	3,6
Стали нанимать меньше/реже	35,3	33,3	34,3	44,1
Ничего не изменилось	60,7	62,2	64,2	52,4
<i>Всего</i>	100	100	100	100

Выводы

Проведенное исследование показало востребованность наемного труда домохозяйствами двух столичных городов — Москвы и Санкт-Петербурга. Почти каждое третье домохозяйство нанимало таких работников в последние три года, при этом 17 % домохозяйств использовали труд женщин.

Самой востребованной категорией работниц были жительницы того же региона, что и опрошенные: две трети домохозяйств, нанимавших женщин, пользовались их услугами. Остальные домохозяйства почти в равной пропорции нанимали иностранных мигранток и россиянок — жительниц других регионов страны.

При этом структура найма каждой категории женщин-работниц имеет свои особенности. Так, для жительниц своего региона самой распространенный вид занятости — репетиторство, одновременно внутренних мигранток для такой деятельности используют более чем в два раза реже, а иностранных — почти совсем не используют. С другой стороны, доля занятых домашней работой гораздо выше среди иностранок, чем среди россиянок обеих категорий; также иностранки в гораздо большей степени концентрируются в нише ухода за взрослыми (работают сиделками).

Что сближает все три рассмотренные категории — это удовлетворенность нанимателей трудом привлекаемой на работу женщины, редкость официального оформления договорных отношений при найме, а также способ поиска работницы — главным образом через родственников и знакомых. Россиянок также часто находят с помощью информации в Интернете, а иностранок — через специализированные агентства.

В целом мы видим, что в сфере ухода за детьми, частного репетиторства участие иностранных мигранток минимально, в то же время их присутствие заметно в сфере ухода за пожилыми и больными (в этой нише их даже больше, чем местных жительниц) и в сфере домашней работы (их больше, чем внутренних мигранток, но меньше, чем местных жительниц). При этом иностранные работницы фактически позволяют пользоваться наемным трудом более бедным домохозяйствам по сравнению с теми, которые нанимают местных работниц и даже внутренних мигранток. Это важное конкурентное преимущество данной категории работниц и одновременно подспорье низкоресурсным домохозяйствам.

Порождает ли значительное присутствие иностранных работниц в сфере ухода за пожилыми конкуренцию для россиянок — большой вопрос. Скорее, они заполняют полупустую нишу на рынке малопривлекательных работ, особенно в крупнейших городах. В свою очередь, уход иностранок из данной ниши способен породить напряжение вследствие невозможности заместить их российскими работницами. Тем более что на фоне пандемии сильнее сократился наем именно иностранных работниц в числе прочего по причине роста стоимости их услуг.

Список источников

- Гришина Е., Цацура Е.* Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 2. С. 152—117.
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 184 с.

- Илимбетова А.* Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6, Экономика. 2013. № 4. С. 89—100.
- Карцева М.* Занятость и здоровье «сэндвич-поколения» в России: эмпирический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 324—344.
- Поletaев Д.* Женская трудовая миграция из Центральной Азии в Россию: (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Женская миграция: формы, тенденции, последствия / под ред. С. В. Рязанцева, С. Ю. Сивоплясовой. М.: Экон-Информ, 2017. С. 34—55. (Демография. Социология. Экономика; т. 3, № 1).
- Положение домашних работников в мире: глобальная и региональная статистика и степень правовой защиты. Женева: МОТ, 2013. 146 с. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_228679.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Рочева А.* Миграция как эмансипация?: гендерное измерение миграции в Россию // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 105—107.
- Савоскул М.* Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 127—135.
- Толстокорова А.* Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. 2012. № 1. С. 198—226.
- Тюрюканова Е.* Женщины и современный миграционный режим // Космополис. 2003. № 5. С. 78—90.
- Тюрюканова Е., Малышева М.* Женщины в международной трудовой миграции // Народнонаселение. 2000. № 2. С. 91—101.
- Anderson B.* Doing the Dirty Work?: the Global Politics of Domestic Labour. London; New York: Zed Books, 2000. 52 p.
- Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world // Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators / OECD. Paris: OECD Publishing, 2011. P. 9—27.
- Cortes P., Pan J.* Outsourcing household production: foreign domestic workers and native labor supply in Hong Kong // Journal of Labor Economics. 2013. Vol. 31, № 2. P. 327—371.
- Cortes P., Tessada J.* Low-skilled immigration and the labor supply of highly skilled women // American Economic Journal: Applied Economics. 2011. Vol. 3, № 3. P. 88—123.
- Da Roit B., Weicht B.* Migrant care work and care, migration and employment regimes: a fuzzy-set analysis // Journal of European Social Policy. 2013. Vol. 23, iss. 5. P. 469—486.
- Florinskaya Y.* Impact of migration on the labor market in Moscow: the Muscovite perspective // Studies on Russian Economic Development. 2015. Vol. 26, № 2. P. 198—203.
- Furtado D.* Immigrant labor and work-family decisions of native-born women // IZA World of Labor. 2015. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/139/pdfs/immigrant-labor-and-work-family-decisions-of-native-born-women.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
- Furtado D., Hock H.* Low skilled immigration and work-fertility tradeoffs among high skilled US natives // American Economic Review. 2010. Vol. 100, № 2. P. 224—228.
- Hazan M., Zoabi H.* Do highly educated women choose smaller families? // Economic Journal. 2015. Vol. 125, iss. 587. P. 1191—1226.
- ILO Global Estimates on International Migrant Workers — Results and Methodology. 3rd ed. / International Labour Office. Geneva: International Labour Organization, 2021. 72 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Karachurina L., Florinskaya Y., Prokhorova A.* Higher wages vs. social and legal insecurity: migrant domestic workers in Russia and Kazakhstan // Journal of International Migration and Integration. 2019. Vol. 20, iss. 3. P. 639—658.

- King-Dejardin A. The Social Construction of Migrant Care Work at the Intersection of Care, Migration and Gender: (Report). Geneva: ILO, 2019. 159 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_674622.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
- Marchetti S., Venturini A. Mothers and grandmothers on the move: labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy // *International Migration*. 2014. Vol. 52, iss. 5. P. 111—126.
- Peri G., Sparber C. Task specialization, immigration, and wages // *American Economic Journal: Applied Economics*. 2009. Vol. 1, № 3. P. 135—169.
- Rubin J., Rendall M. S., Rabinovich L., Tsang F., Janta B., van Oranje-Nassau C. Migrant Women in the EU Labour Force: Summary of Findings. Santa Monica (CA): RAND Corporation, 2008. 13 p. URL: https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR591z3.html (дата обращения: 17.01.2022).
- Smith-Hunter A. Diversity and Entrepreneurship: Analyzing Successful Women Entrepreneurs. Lanham (MD); Oxford: University Press of America, 2003. 157 p.
- Vanore M., Siegel M. The evolution of gendered migration trajectories from Moldova & Georgia // *Comparative Migration Studies*. 2015. Vol. 3, № 4. P. 1—21.
- Women at Work: a Global Outlook Report / Deloitte. 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-women-at-work-global-outlook-report.pdf> (дата обращения: 17.01.2022).
- Women on the Move: Migration, Care Work and Health. Geneva: World Health Organization, 2017. 100 p. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/259463/9789241513142-eng.pdf;jsessionid=52B90712F162DA3329459CB47D897530?sequence=1> (дата обращения: 17.01.2022).

References

- Anderson, B. (2002) *Doing the Dirty Work?: The Global Politics of Domestic Labour*, London, New York: Zed Books.
- Cooking and caring, building and repairing: unpaid work around the world (2011), in: *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators*, Paris: OECD Publishing.
- Cortes, P., Pan, J. (2013) Outsourcing household production: foreign domestic workers and native labor supply in Hong Kong, *Journal of Labor Economics*, vol. 31, no. 2, pp. 327—371.
- Cortes, P., Tessada, J. (2011) Low-skilled immigration and the labor supply of highly skilled women, *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 3, no. 3, pp. 88—123.
- Da Roit, B., Weicht, B. (2013) Migrant care work and care, migration and employment regimes: a fuzzy-set analysis, *Journal of European Social Policy*, vol. 23, iss. 5, pp. 469—486.
- Florinskaya, Y. (2015) Impact of migration on the labor market in Moscow: the Muscovite perspective, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 26, no. 2, pp. 198—203.
- Furtado, D. (2015) Immigrant labor and work-family decisions of native-born women, *IZA World of Labor*, available from <https://wol.iza.org/uploads/articles/139/pdfs/immigrant-labor-and-work-family-decisions-of-native-born-women.pdf> (accessed 15.01.2022).
- Furtado, D., Hock, H. (2010) Low skilled immigration and work-fertility tradeoffs among high skilled US natives, *American Economic Review*, vol. 100, no. 2, pp. 224—228.
- Grishina, E., Tsatsura, E. (2020) Vliianie rodstvennogo ukhoda na zaniatost', zdorov'e i material'noe polozhenie ukhazhivaiushchikh [The effect of caring for older and disabled relatives on the employment, health and economic status of caregivers], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 152—117.

- Hazan, M., Zoabi, H. (2015) Do highly educated women choose smaller families?, *Economic Journal*, vol. 125, iss. 587, pp. 1191—1226.
- Ilimbetova, A. (2013) Faktory i ékonomicheskie posledstviia zhenskoï trudovoï migratsii v Rossiiu [Factors and economic consequences of female labor migration to Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, Ékonomika, no. 4, pp. 89—100.
- ILO Global Estimates on International Migrant Workers — Results and Methodology* (2021), 3rd ed., Geneva: International Labour Organization, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_808935.pdf (accessed 15.01.2022).
- Karachurina, L., Florinskaya, Y., Prokhorova, A. (2019) Higher wages vs. social and legal insecurity: migrant domestic workers in Russia and Kazakhstan, *Journal of International Migration and Integration*, vol. 20, iss. 3, pp. 639—658.
- Kartseva, M. (2021) Zaniatost' i zdorov'e "sendvich-pokoleniia" v Rossii: émpiricheskiï analiz [Employment and health of the sandwich generation in Russia: empirical analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ékonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 324—344.
- King-Dejardin, A. (2019) *The Social Construction of Migrant Care Work at the Intersection of Care, Migration and Gender*: (Report), Geneva: ILO, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_674622.pdf (accessed 15.01.2022).
- Marchetti, S., Venturini, A. (2014) Mothers and grandmothers on the move: labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy, *International Migration*, vol. 52, iss. 5, pp. 111—126.
- Peri, G., Sparber, C. (2009) Task specialization, immigration, and wages, *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 1, no. 3, pp. 135—169.
- Poletaev, D. (2017) Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tsentral'noï Asii v Rossiiu: (Na primere Tadjikistana i Kyrgystana) [Women's labor migration from Central Asia to Russia: (On the example of Tajikistan and Kyrgyzstan)], in: Riazantsev, S., Sivopliasova, S. (eds), *Zhenskaia migratsiia: formy, tendentsii, posledstviia*, Moscow: Écon-Inform, pp. 34—55.
- Polozhenie domashnikh rabotnikov v mire: global'naia i regional'naia statistika i stepen' pravovoï zashchity* (2013) [Domestic workers across the world: global and regional statistics and the extent of legal protection], Geneva: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_228679.pdf (accessed 15.01.2022).
- Rocheva, A. (2012) Migratsiia kak émansipatsiia?: Gendernoe izmerenie migratsii v Rossiiu [Migration as emancipation?: Gender dimension of migration to Russia], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 8, pp. 105—107.
- Rubin, J., Rendall, M. S., Rabinovich, L., Tsang, F., Janta, B., van Oranje-Nassau, C. (2008) *Migrant Women in the EU Labour Force: Summary of Findings*, Santa Monica, CA: RAND Corporation, available from https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR591z3.html (accessed 17.01.2022).
- Savoskul, M. (2013) Sidelki iz provintsii v bol'shom gorode [Nurses from the provinces in the big city], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ékonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 127—135.
- Smith-Hunter, A. (2003) *Diversity and Entrepreneurship: Analyzing Successful Women Entrepreneurs*, Lanham, MD, Oxford: University Press of America.
- Tiuriukanova, E. (2003) Zhenshchiny i sovremennyi migratsionnyi rezhim [Women and the modern migration regime], *Kosmopolis*, no. 5, pp. 78—90.
- Tiuriukanova, E. (ed.) (2011) *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women migrants from the CIS countries in Russia], Moscow: MAKS Press.

- Tiuriukanova, E., Malysheva M. (2000) Zhenshchiny v mezhdunarodnoĭ trudovoĭ migratsii [Women in international labor migration], *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 91—101.
- Tolstokorova, A. (2012) Geroini nashego vremeni: zhenskaia trudovaia migratsiia iz Ukrainy [Heroines of our time: female labor migration from Ukraine], *Diaspory*, no. 1, pp. 198—226.
- Vanore, M., Siegel, M. (2015) The evolution of gendered migration trajectories from Moldova & Georgia, *Comparative Migration Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 1—21.
- Women at work: A Global Outlook Report*, Deloitte, 2018, available from <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/gx-women-at-work-global-outlook-report.pdf> (accessed 17.01.2022).
- Women on the Move: Migration, Care Work and Health* (2017), Geneva: World Health Organization, available from <http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/259463/9789241513142-eng.pdf;jsessionid=52B90712F162DA3329459CB47D897530?sequence=1> (accessed 17.01.2022).

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Флоринская Юлия Фридриховна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, jflorin@yandex.ru (Cand. Sc. (Geography), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Мкртчян Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия, nmkrтчyan@hse.ru (Cand. Sc. (Geography), Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).

Карцева Марина Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), г. Москва, Россия, mkartseva@mail.ru (Cand. Sc. (Economy), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation).